

«Назад в будущее»: образы модернизационных реформ в коллективной памяти россиян

Беклямишев Владимир Олегович

Ассоциация «Российское историческое общество» (Москва)
 Главный координатор проектов
 bekliamishev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются широко тиражированные образы крупнейших структурных реформ в истории России (преобразования Петра I, Великие реформы Александра II, Октябрьская революция, индустриализация, Перестройка и рыночные реформы 1990-х годов), их современные оценки респондентами и положение в общей структуре коллективной памяти россиян. Результаты историко-социологического анализа в русле методологической традиции «memory studies» продемонстрировали, что сложившаяся структура коллективной памяти оказывает существенное идеологическое противодействие реформированию общества, легитимируя ресурсную модель развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

модернизация, реформы, Петр I, Александр II, Октябрьская революция, Сталин, Перестройка, коллективная память, политика памяти, историческая политика

Beklyamishev V. O.

«Back to the Future»: Images of Modernization Reforms in the Collective Memory of Russian People

Beklyamishev Vladimir Olegovich

Association «Russian Historical Society» (Moscow, Russian Federation)
 Chief project coordinator
 bekliamishev@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals extensively replicated images of major structural reforms in the history of Russia (The government reforms of Peter I, the Great Reforms of Alexander II, the October Revolution, industrialization, Perestroika and market reforms of the 1990s), their contemporary respondents' assessments and position in the overall structure of the collective memory of Russians. The results of historical and sociological analysis through the methodological tradition of «memory studies» showed that the current structure of the collective memory has a significant ideological opposition to the structuring reforms, legitimizing resource development model.

KEYWORDS

modernization, reforms, Peter the Great, Alexander II, the October revolution, Stalin, Perestroika, collective memory, politics of memory, historical policy

На протяжении последних лет одной из магистральных тем отечественного политического дискурса оставался вопрос о необходимости структурных преобразований в экономической, политической и социальной сферах общественной жизни. Периодически актуализируясь в периоды экономической напряженности, он принимал различные формы, но неизменно обсуждался в тесной связи с историческими аналогиями. Весьма показательны в этом плане многочисленные отсылки к прошлому в статьях политиков, экономистов и публицистов (так, в широко тиражированной программной статье президента Д. А. Медведева «Россия, вперед!», опубликованной в период кризиса

2008–2009 гг., содержится более 15 отсылок к событиям отечественной истории)¹, общегосударственные празднования юбилеев П.А. Столыпина (2012 г.) и Великих реформ Александра II (2014 г), а также переоценка сталинской индустриализации в рамках недавних дискуссий об импортозамещении².

Осмысление роли коллективной памяти в процессе выработки современной модернизационной идеологии представляется нам актуальной *практической проблемой*, от успешного разрешения которой зависит грамотная постановка целей государственной культурной и образовательной политик и выработка действенных механизмов политики памяти, способных мобилизовать общество перед лицом возможных изменений. Одним из подтверждений этого тезиса служит прямое указание на «ведущую роль в инновационном развитии страны» такой социально-культурной среды, в которой были бы четко обозначены цели развития общества, сформулированные в контексте национальной историко-политической культуры, содержащееся в тексте недавно утвержденной Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий.

В рамках проведенного нами исследования, рассматриваемого автором в русле продолжительной и обширной традиции исследований коллективной памяти («memory studies»), был систематизирован накопленный массив социологических данных, отражающих восприятие основных модернизационных реформ в коллективной памяти россиян, и проанализировано влияние сложившейся историко-политической культуры на восприятие потенциальных общественных изменений.

В 2007 г. экономист Е. Ясин, рассматривая трансформацию ценностей российской культуры, впервые сделал вывод о том, что «культурные предпосылки модернизации ухудшились» [15, с. 106]. К аналогичным выводам в те годы пришли социологи В. Магун и М. Руднев, основывающиеся на общеевропейском исследовании, проведенном ими в 20 странах мира [10]. При этом, по замечанию Н. Лапина, речь шла не о нарастающем традиционализме, а о «толерантном симбиозе» модернизационных и консервативных ценностей (в сфере исторической памяти примером может служить сближение позиций старших и младших возрастных когорт в оценке И.В. Сталина), который гораздо сложнее преодолеть [8, с. 271–284].

«Культурная травма» и хаотический поиск идентичности в 1990-е годы, сменившиеся государственным патернализмом, централизацией и восстановлением символической преемственности с «тысячелетней историей», обеспечили очень высокий уровень общественного интереса к прошлому (85% по данным ВЦИОМ за 2013 г.)³, а информационное противостояние с Западом, «оживившее» прежние историко-идеологические схемы, довело этот показатель до рекордных 90%⁴, превратив коллективную память в крайне востребованное пространство политической коммуникации. Однако декларируемый интерес к прошлому со стороны респон-

¹ Медведев Д. А. Россия, вперед! // официальный портал Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 20.08.2016).

² Катасонов В. России нужно не импортозамещение, а вторая индустриализация // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия» [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2015/12/28/rossii_nuzhno_ne_importozamewenie_a_vtoraya_industrializaciya/ (дата обращения: 20.08.2016).

³ Пресс-выпуск № 2357. История, спорт, наука: чем гордятся россияне? // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114310> (дата обращения: 20.08.2016).

⁴ Россияне стали больше гордиться историей и культурой страны // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/09/16/boleee-80-rossii-an-gordiat-sia-istoriej-kulturoj-paukoj-i-armiej-strany.html> (дата обращения: 20.08.2016).

дентов трактуется экспертами скептически: уровень историко-политической культуры россиян очень низок, что приводит к выборочному и некритическому осмыслению в выражено эмоциональных категориях.

Исследователи отмечают, что «степень мифологизации исторического сознания россиян остается достаточно высокой» [5, с. 326], а «легитимность и осмысленность ссылок на историю при обсуждении современных повседневных политических проблем очень редко ставится под вопрос» [12, с. 100]. Проблемой признается узость репертуара «актуальных» исторических сюжетов [11, с. 182], а также сохранение «советского метанарратива» — вульгаризированного исторического материализма в качестве базовой объяснительной конструкции исторических процессов [16, с. 7].

Вопреки заявленному в проекте нового Историко-культурного стандарта приоритету культурно-антропологического подхода к преподаванию истории в средней школе,¹ и в образовательных, и в воспитательных практиках продолжают доминировать военно-патриотические сюжеты. Важнейшим из них является Великая Отечественная война [6, с. 163–164], одновременно оцениваемая обществом с позиций героизации и жертвенности. Первые попытки мифологизации образа Победы относятся к периоду так называемой «брежневской коммеморации» (когда 20-летие Победы совпало с попытками исторической реабилитации Сталина через образ массового подвига), а развитие — к началу 2000-х годов (на фоне затянувшегося изживания комплекса утраченной идентичности и возрождения принципов реализма во внешней политике). Дискурс жертвенности — «контрпамять», противопоставляющая официозному торжеству скорбь о миллионах погибших и пострадавших. Его истоки коренятся в хрущевской делегитимации сталинизма и литературном направлении «лейтенантской прозы».

При этом важно, что оба дискурса характеризуют так называемое «*уставшее общество*» (термин Б. Дубина) — травмированное и индивидуалистичное, демонстрирующее лояльность властным инициативам, «опрокинутое в прошлое», но не готовое к реальным социальным изменениям.

Польский исследователь Э. Зерубавель отмечал, что в структуре любой коллективной памяти есть свои «периоды-фавориты» и «пустые» исторические периоды². Так, по разным оценкам, «глубина» памяти российского общества составляет *от 100 до 70 лет*. События, находящиеся за рамками этого хронологического промежутка, вопреки периодическим попыткам их актуализации (к наиболее известным из которых относятся утверждение Дня народного единства и недавние празднования 100-летнего юбилея Первой мировой войны), по-прежнему остаются предметом реального обсуждения лишь в узкопрофессиональной среде. Отчасти это объясняется уже упомянутой укорененностью в общественном сознании идеологических парадигм советского периода, в русле которых «начало истории» совпадает с Октябрьской революцией. В результате палитра исторических сюжетов, сопряженных с модернизационными процессами, существенно сужается. В ее центре остаются сталинская индустриализация и экономические реформы 1990-х годов, а на периферии — слабые отголоски дореволюционных преобразований.

¹ Общественное обсуждение проекта историко-культурного стандарта // официальный сайт Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80abucjibhv9a.xn--p1ai/documents/3483> (дата обращения: 20.08.2016).

² Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/o/Oblivion-2.html> (дата обращения: 20.08.2016).

При этом образы модернизационных реформ играют особую роль в структуре коллективной памяти. Сопряженные с комплексами догоняющего развития и «осажденной крепости» (инициированию реформ всегда предшествует «демонстрационный эффект» — столкновение с новшествами или институтами соседей, доказавшими свою эффективность) [14, с. 3], модернизации позднее предстают в общественном сознании как *травматические воспоминания*: смена привычной реальности, нередко связанная с ухудшением уровня жизни населения, противопоставляется положительным периодам «стабильности» (в российском случае — брежневскому). Именно такую структуру исторического сознания отражают результаты опроса, проведенного среди молодых респондентов М. Горшковым и Ф. Шереги в 2010 г. [2, с. 198].

Яркий пример всесторонней догоняющей модернизации представляют собой *реформы Петра I*, которые, вопреки критике современников, а позднее славянофилов и ряда мыслителей «серебряного века», на сегодняшний день оцениваются преимущественно положительно. Исследование социологического центра РАГС, проведенное в 2001 г., продемонстрировало поддержку реформ Петра I со стороны 86,3% опрошенных¹. В 2013 г. по результатам опроса в трех возрастных группах Петр вновь оказался самым положительно оцениваемым лидером-реформатором, обогнав по популярности даже Сталина [3], а сегодня, в условиях санкционного противостояния с Западом, образ царя, «прорубившего окно в Европу», актуализируется интернет-культурой в виде «мемов», обыгрывающих недостатки российской внешней политики.

Причиной положительного восприятия Петровских реформ в постсоветской России видится их отдаленность от «политически актуального» прошлого (так, в начале XX столетия, когда образ Петра I еще играл «политическую» роль, его оценки со стороны общества и интеллектуалов были гораздо ниже) [9, с. 234–286], а также окружающие их образы культурного и научного прогресса, широкого просвещения в русле европейской цивилизации. В пользу последнего фактора свидетельствует и то, что петровские преобразования ближе всего студенчеству и молодежи с высшим образованием [7].

Великие реформы Александра II, несмотря на попытку их актуализации, предпринятую в 2014 г. в связи с юбилеем Земской реформы, так и не вошли в репертуар «политически актуального» прошлого. В результате лишь освобождение крестьян было оценено нашими современниками в качестве «самого значительного события XIX века» (62% респондентов, опрошенных ВЦИОМ в 2011 г.)². В этой связи интересно лишь столкновение двух подходов к их оценке — «патриархального» (дореволюционная Россия, как воплощение «тысячелетней истории» и широко трактуемой «духовности») и «критического» (с акцентом на бесправие населения и социальные проблемы того времени), произошедшего в российской прессе после резонансной публикации председателя Конституционного суда РФ В. Зорькина, назвавшего крепостное право «главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации»³.

Октябрьская революция — бывший «базовый сюжет» советской идентичности, ставший первым в ряду «политически актуальных» реформ. Несмотря на то, что сами представления об историческом прогрессе укоренились в общественном сознании благодаря советской историографии, о содержании первых реформ в Советской Российской Республике 1917–1918 гг. современные респонденты знают крайне мало.

¹ Бойков В. Э. Историческая память российского населения: состояние и проблемы формирования // федеральный образовательный портал «ЭСМ» [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsosman.hse.ru/text/17662270> (дата обращения: 20.08.2016).

² Пресс-выпуск № 1703. Отмена крепостного права в исторической памяти россиян // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111406> (дата обращения: 20.08.2016).

³ Мартынов К. Зорькины здесь тихие // «Новая газета» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/65557.html> (дата обращения: 20.08.2016).

Причинами этого являются, во-первых, «растворенность» институциональных преобразований в трагических событиях Гражданской войны, а во-вторых, — «идеологическая насыщенность» обсуждаемой темы, не позволяющая сконцентрироваться на фактологии даже в рамках школьного образовательного процесса.

Общая оценка революционных преобразований и реформ первых лет советской власти преимущественно положительная (40% среди опрошенных ФОМ в 2008 г.) [1, с. 27], — как событий, приведших к утверждению ценностей социального равенства, однако риторика власти в преддверии 100-летия революционных событий, практически совпавшего с президентским электоральным циклом, свидетельствует о стремлении вынести в публичное пространство новые интерпретации данного периода¹. Стоит отметить, что в 2011–2012 гг., на фоне выборов в Государственную Думу, подобные попытки уже предпринимались посредством актуализации образа П. Столыпина, однако не привели к сколь-нибудь существенным результатам.

Индустриализация и коллективизация — ключевые события отечественной истории XX в., память о которых вызывает наибольшие общественные дискуссии. По словам академика РАН Ю. С. Пивоварова, «когда мы обсуждаем Сталина, мы обсуждаем не конкретно Иосифа Виссарионовича и что он сделал в конкретной ситуации... Мы обсуждаем, как относиться к настоящему и какое мы построим будущее... Это как в 60-е годы „Октябрь“ и „Новый мир“ спорили вроде бы о литературе, а на самом деле это была политическая борьба, это была общественная борьба. Так сегодня роль литературы 60-х годов играет история»².

Для объективной оценки восприятия сталинских реформ автором был проведен компаративный анализ этого образа с периодом брежневского правления, не менее высоко оцениваемого респондентами [4]. «Быстрый экономический рост» в первом случае противопоставлялся «доверию между людьми», «жизнерадостности» и «возможностям профессионального роста» во втором [2, с. 198]. Другими словами, речь идет о сохранении глубокого конфликта между государством и обществом: преобразования, проведенные в интересах укрепления обороноспособности страны, легитимируются образом Победы, но не отражают устремлений общества, мобилизационная компонента которого «направлена практически исключительно на сферу локальных интересов» [13, с. 179]. Таким образом, делается вывод, что говорить о мобилизационном потенциале исторической памяти об индустриализации не приходится.

Перестройка и экономические реформы 1990-х годов, находящиеся на стыке коллективной и индивидуальной памяти, оцениваются респондентами крайне негативно. В 2000 г. деятельность М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина негативно оценили более 60% респондентов ВЦИОМ³, и эта пропорция сохранялась на протяжении последних 16 лет при негласной поддержке со стороны действующей власти. «Боль от <...> пережитых трудностей, которые в массовом сознании связываются с именем Михаила Горбачева, не утихает. Более того, негативные оценки становятся более наполненными, мотивированными <...> сегодняшняя непростая экономическая ситуация в стране обостряет восприятие экономические проблем 25-летней давности», — подчеркнул по итогам недавно проведенного опроса Руководитель исследовательских проектов ВЦИОМ М. Мамонов⁴.

¹ Путин: Ленин заложил под Россию «атомную бомбу» // «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/602230> (дата обращения: 20.08.2016).

² Цена Победы. Война в исторической памяти // «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/1325416-echo/> (дата обращения: 20.08.2016).

³ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // «Новая и новейшая история» [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/JOURNAL/NEWHIST/NIMEM.HTM> (дата обращения: 20.08.2016).

⁴ Пресс-выпуск № 3050. Михаил Горбачев: преступник или жертва? // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115603> (дата обращения: 20.08.2016).

Аналогичная ситуация сложилась и вокруг образа экономических реформ первой половины 1990-х. Положительные эмоции в их отношении сегодня испытывают лишь 18% наших сограждан, причем назвать какие-либо конкретные события или факты, которые можно считать позитивными, для большинства из них оказалось затруднительно¹. Социологи отмечают, что воспоминания бывших сторонников реформ «блекнут» быстрее, нежели воспоминания их противников². В результате, образ рыночных реформ в коллективной памяти лишь подрывает доверие к модернизационным идеям, исходящим от власти, представляя собой наиболее устойчивый элемент в идеологии консервативных и традиционалистских общественных групп.

Таким образом, можно заметить, что образы модернизационных реформ, за исключением Перестройки и «шоковой терапии», находятся на периферии сложившейся структуры коллективной памяти. При этом «ситуативный консерватизм» молодежи и негативный личный опыт средних и старших возрастных когорт не позволяют инициировать широкую общественную дискуссию вокруг данных исторических сюжетов. Как следствие, наибольшей востребованностью пользуются исторические образы кровавых и ресурсозатратных (индустриализация) реформ, контрастирующие с периодами «сытой» стабильности (брежневский период) и до-революционными сюжетами, представленными в коллективной памяти (ввиду своей удаленности во времени) как «беззатратные» (реформы Петра I, Александра II).

Подобное восприятие прошлого отражает приоритеты и устремления «усталого» рентаориентированного общества, заинтересованного не в институциональных преобразованиях, а в максимально продолжительном сохранении «статуса кво». Также стоит отметить, что государство, декларируя заинтересованность в реализации исторической политики, направленной на достижение целей инновационного развития, на практике не предпринимало попыток пересмотра сложившихся мифологем даже на уровне экспертного обсуждения. Таким образом, структурные проблемы в коллективной памяти, применительно к образу модернизационных реформ, на сегодняшний день сохраняются.

Литература

1. *Васильева Е.* Октябрьская революция: актуальный образ исторического события // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 24–32.
2. *Горшков М., Шереги Ф.* Историческое сознание молодежи // Вестник РАН. 2010. № 3. Т. 80. С. 195–213.
3. *Емельянова Т. П., Кузнецова А. В.* Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // ЗПУ. 2013. № 2. С. 123–129.
4. *Кертман Г.* Эпоха Брежнева — в дымке настоящего // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 5–22.
5. *Конорев С. В.* Исторический миф в современном российском обществе: происхождение и социокультурная роль // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М. : ИВИ РАН, 2012.
6. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011.
7. *Кутыкова И. В.* Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации // Труды СПбГУКИ. 2015. С. 7–15.

¹ Пресс-выпуск № 2993. Россия девяностых: дни поражений или побед? // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115503> (дата обращения: 20.08.2016).

² Назло дефолтам // «Российская газета» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/06/29/sociologia-poln.html> (дата обращения: 20.08.2016).

8. Лапин Н. И. Ценности населения макрорегионов России по оси «открытость изменениям–сохранение» // Россия в Европе. По материалам международного социологического опроса «Европейское социальное исследование». М. : Логос, 2009.
9. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX вв. Самара : Книга, 2011.
10. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 33–58.
11. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Политическая энциклопедия, 2015.
12. Норман И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей М. : Новое издательство, 2004.
13. От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М. : ВЦИОМ, 2007.
14. У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад четвертый) / Д. Травин: Препринт М-45/15. СПб. : Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
15. Ясин Е. Г. Модернизация и общество. Доклад на VIII Международной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие» 3–5 апреля 2007 г. М. : Изд. дом ВШЭ, 2007.
16. Gill G. Symbolism and Regime Change in Russia. Cambridge : Cambridge university Press, 2013.

References

1. Vasilyeva E. *October revolution: urgent image of a historical event* [Oktyabr'skaya revolyutsiya: aktual'nyi obraz istoricheskogo sobytiya] // Social reality [Sotsial'naya real'nost']. 2008. N 3. P. 24–32. (rus)
2. Gorshkov M., Sheregi F. *Historical consciousness of youth* [Istoricheskoe soznanie molodezhi] // Bulletin of RAS [Vestnik RAN]. N 3, 2010. V. 80. P. 195–213. (rus)
3. Yemelyanova T. P., Kuznetsova A. V. *Significant figures of the Russian history in collective memory of different groups of society* [Znachimye figury rossiiskoi istorii v kollektivnoi pamyati raznykh grupp obshchestva] // ZPU. 2013. N 2. P. 123–129. (rus)
4. Kertman G. *Era of Brezhnev — in a present view* [Epokha Brezhneva — v dymke nastoyashchego] // Social reality [Sotsial'naya real'nost']. 2007. N 2. P. 5–22. (rus)
5. Konorev S. V. *The historical myth in modern Russian society: origin and sociocultural role* [Istoricheskii mif v sovremennom rossiiskom obshchestve: proiskhozhdenie i sotsiokul'turnaya rol'] // Crises of critical eras in historical memory [Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati]. М. : IWH RAS [IVI RAN], 2012. (rus)
6. Koposov N. E. *Memory of a high security: history and policy in Russia* [Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii]. М. : New literary review [Novoe literaturnoe obozrenie], 2011. (rus)
7. Kutykova I. V. *Historical memory of new generation in the conditions of sociocultural transformation* [Istoricheskaya pamyat' novogo pokoleniya v usloviyakh sotsiokul'turnoi transformatsii] // Works of Saint Petersburg State University of Culture and Arts [Trudy SPbGUKI]. 2015. P. 7–15. (rus)
8. Lapin N. I. *Values of the population of macro regions of Russia on an axis «openness to changes — preservation»* [Tsennosti naseleniya makroregionov Rossii po osi «otkrytost' izmeneniyam–sokhraneniye»] // Russia in Europe. On materials of the international sociological poll «The European social research» [Rossiya v Evrope. Po materialam mezhdunarodnogo sotsiologicheskogo oprosa «Evropeiskoe sotsial'noe issledovanie»]. М. : Logos, 2009. (rus)
9. Leontyeva O. B. *Historical memory and images of the past in the Russian culture of XIX — the beginnings of the 20th centuries* [Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX — nachala XX vv.]. Samara : Book [Kniga], 2011. (rus)
10. Magong V., Rudnev M. *Vital values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries* [Zhiznennyye tsennosti rossiiskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeiskimi stranami] // Messenger of public opinion [Vestnik obshchestvennogo mneniya]. 2008. N 1. P. 33–58. (rus)
11. Malinova O. Yu. *Urgent past: Symbolical policy of the dominating elite and a dilemma of the Russian identity* [Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti]. М. : Political encyclopedia [Politicheskaya entsiklopediya], 2015. (rus)

12. Norman I. *Use of «Another»: Images of the East in formation of the European identities* [Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei]. M. : New publishing house [Novoe izdatel'stvo], 2004. (rus)
13. *From Yeltsin to Putin: three eras in historical consciousness of Russians* [Ot El'tsina do Putina: tri epokhi v istoricheskom soznanii rossiyan]. M. : Russian Public Opinion Research Center [VTsIOM], 2007. (rus)
14. *At modernization sources: Russia on the European background* [U istokov modernizatsii: Rossiya na evropeiskom fone] (fourth report) / D. Travin: Preprint M-45/15. SPb. : Publishing house of The European university in St. Petersburg [Izd. Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge], 2015. (rus)
15. Yasin E. G. *Modernization and society* [Modernizatsiya i obshchestvo]. The report at the VIII International conference «Modernization of Economy and Social Development» on April 3–5, 2007. M. : Publishing house of ТКГ HSE [Izd. dom VShE], 2007. (rus)
16. Gill G. *Symbolism and Regime Change in Russia*. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.